

Максим, в минувшем декабре вы привезли в Москву программу «Путешествие скрипки» — своеобразный концерт-лекцию. Между тем здесь, в Зальцбурге, во время концертов не только ничего не рассказывают, но даже и не объявляют, что по московским меркам достаточно непривычно. Как вам пришел в голову подобный формат концерта-лекции, и почему сейчас он фактически умер?

Я считаю, что для всего есть свое время и свое место. Когда я делал проект «Путешествие скрипки», то должен был немного рассказать об исполнявшихся произведениях. Действительно, скрипка путешествовала по разным странам — и в Польшу к Венявскому заглядывала, и в Австрию к Крейслеру, и в Италию к Лаганини, и к Изаи в Бельгию, поэтому это было очень интересно для публики: что такое скрипка и с чем ее едят. Я думаю, что лекции важны в основном для людей, которые в повседневной жизни не совсем связаны с музыкой и не часто посещают концерты. Им нужно немножко рассказать, о чем ты играешь. Зальцбург — Мекка классической музыки, сюда ездят завсегда, здесь никакие лекции не нужны. Тут такие меломаны ходят в оперу, что каждый из публики может встать и прочитать лекцию. Поэтому все зависит от времени, зала и аудитории. Эталон подобной традиции для меня — Геннадий Рождественский, и возродить ее может только сам артист, который хочет что-то рассказать. Я делаю это не всегда — лишь там, где считаю уместным.

Где, например, кроме России?

Речь совсем не только о России — проект «Путешествие скрипки» я делал по всему миру. Публика, как ни странно, не совсем ознакомила с основным репертуаром: концерты Брамса, Бетховена — это да, а что касается произведений чисто скрипичных, технических, с ними публика мало знакома, эту замечательную традицию мы потеряли. Со времен Ойстраха, когда он выходил на сцену и играл целое отделение из маленьких бисовых номеров и виртуозных пьес, подобного практически не было.

«Путешествие скрипки» было вашим вторым сольным концертом в Москве, и многие были весьма разочарованы, что с вами в этот раз не приехал пианист Фазиль Сай. Есть ли у вас постоянный аккомпаниатор?

Постоянного аккомпаниатора у меня нет, я работаю одновременно с несколькими пианистами. Один из них Лилия Зильберштейн, с ней я приеду в Москву в мае. Она училась и жила в Москве, победила на конкурсе имени Булони в Италии, сейчас живет в Германии, потрясающий музыкант! Вместе с ней я сыграю сольную программу.

Вы часто рассказываете о своих грезах: пересечь Америку на мотоцикле, брать уроки танго, сыграть на электроскрипке... Это лишь несбыточные мечты или же что-то большее?

На Harley Davidson через Америку — эта мечта еще не реализована, но надежда есть! Пока, правда, я ее реализовал лишь виртуально. Далее — замечательное сочинение для меня создал русский композитор из Таджикистана Вениамин Юсупов — Viola tango rock concerto. Там я играю на альте, потом перехожу на пятиструнку и в конце танцую танго! В третьей части этого концерта я импровизирую на

Фото: ИФ

электрической скрипке. Премьеру мы уже сделали.

А музыка хорошая?

Потрясающая! Для меня концерт Юсупова — один из величайших примеров того, на что вообще способен альт. Он действительно расширил границы инструмента необычайно — альт может звучать и как скрипка, и как альт, и как виолончель: это уникальный инструмент.

Я думал об этом же, слушая здесь на днях выступление Ким Кашкашьян: ее альт был похож в первую очередь на виолончель. Насколько серьезны ваши дальнейшие планы в отношении альтя?

У меня нет таких амбиций, чтобы быть альтистом постоянно, время от времени я играю на альте в каких-то проектах... Забавно, что свою первую Grammy я получил именно как альтист, записав концерт Уильяма Уолтона под руководством Мстислава Ростроповича.

Нет ли у вас намерения сыграть в Москве с каким-либо из столичных оркестров?

Будет, обязательно будет. Следующий мой приезд — в декабре этого года, я сыграю с Госоркестром концерт Шостаковича. А в мае сыграю сонаты Моцарта, Бетховена, Первую сонату Прокофьева и Альтовую Шостаковича.

Прошу прощения за уход во внемузыкальную область, однако вы гражданин Израиля, потому спрошу, как вы относитесь к актуальной ныне проблеме размежевания?

Я гражданин Израиля и гражданин Германии, а Родина моя — в России, в Новосибирске. Я сибирик исконный и ощущаю себя сибириком... Учился в Москве три года, с семи лет, и очень люблю этот город. Считаю же я себя гражданином мира, и мне даже трудно сказать, где я чувствую себя дома, так что имеет ли смысл спрашивать мое мнение как израильтянина? Я дома в Израиле, на берегу озера Кинерет, я дома во Франции, в Монако, в Швейцарии. Плюс я преподаю в Лондоне и пять лет — в Саарбрюккене, у меня и в том и в другом месте почетная профессура, поэтому сказать, где я дома и где нет, очень трудно...

С чего началось ваше преподавание и что вам оно дает?

В первую очередь то, что ты можешь посмотреть на музыку другими глазами: когда ты должен объяснить своему студенту, о чем эта музыка, и сам задаешься этим вопросом, ты начинаешь по-другому мыслить — как психолог, а не как исполнитель. И это потрясающий процесс: занимаясь преподаванием, я часто вижу, что проблема не в музыке, а в мышлении ученика, в том, как он себя ведет, чем он занимается целый день и о чем думает. И ты ужеходишь от музыки и пытаешься понять его эмоции... Но музыка позволяет нам научиться познать себя, и это самое драгоценное.

Помимо преподавания вы занимаетесь дирижированием и собираетесь записать скрипичные концерты Моцарта как дирижирующий солист...

Ну, это не дирижирование в полном смысле слова, хотя я серьезно занимался дирижированием два с половиной года в качестве лабораторного опыта, что ли. Мне было очень интересно посмотреть на музыку по-другому — я любознательный человек. Играя с дирижером, я всегда задавался вопросом: а как же это выглядит с другой стороны, какими глазами он на меня смотрит, как он чувствует оркестр? И занятия дирижированием невероятно много дали мне как человеку, как музыканту. То же самое могу сказать о своих занятиях музыкой барокко. Кстати, я собираюсь записать Баха на барочном инструменте.

О своем увлечении аутентичной манерой исполнения вы упоминали и на последнем московском концерте, сыграв с Алексеем Любимовым одну из сонат Баха. Между тем об аутентичизме сейчас говорят очень много. Что бы вы рассказали человеку, несведущему в данной области?

Понимаете, когда мы берем... пусть даже сочинение Шостаковича, написанное сорок лет назад, его нельзя играть с таким ощущением, с каким мы сейчас живем, это просто будет уже не Шостакович. Сейчас другая жизнь, другие ценности, другие понятия, другой эмоциональный поток. Во времена Шостаковича все было немного иначе. Потому я пытаюсь перенести и себя, и весь зал туда, словно на машине времени. Это тем труднее, чем дальше мы отходим от конкретной эпохи: во времена Баха был другой язык, другая манера исполнения. И это публике очень интересно, поэтому, когда я беру аутентичный инструмент, это способствует эффекту машины времени, хотя я не говорю, что надо играть только так. Бах всегда будет актуален — и через два века, и даже если играть его на электрической скрипке, но не об этом речь! Если мы хотим воспроизвести первоисточник, то буквально это сделать нельзя, но попытаться можно.

Вскоре после программы «Путешествие скрипки» вы приехали в Москву получить премию имени Дмитрия Шостаковича, однако вместо подписанного регламентом сольного концерта сыграли лишь Концертную симфонию Моцарта вместе с Юрием Башметом...

Это было время моего, так сказать, декретного отпуска. В этом году у меня только сорок концертов вместо положенных восьмидесяти девяноста, а меня пригласил Юра Башмет, и это такая честь, что я не мог отказаться. Он сказал: ну ладно, ты не делаешь концерт, тогда давай сыграем Концертную симфонию. Но я возьму музыкальный убыток и обязательно приеду и в декабре, и в мае.